

НАТАЛЬЯ ОТРЕШКО,

кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социологических исследований факультета Международного Соломонова университета

Субъект, метод познания, картина социального мира в классической, неклассической, постнеклассической социологии

Abstract

The specificity of transition from the classics to the non-classics, and to the post-non-classics in the sociological theory is analyzed in the article. There are postulated the main principles of the classic, non-classic and post-non-classic paradigms from the philosophical point of view. On this basis, the author states general definitions of the (1) subject, (2) cognitive method, and (3) social world pattern as methodological grounds of sociological episteme. In conclusion, two ways of analysis of social reality — transcendental and immanent — are considered as examples of realization of classic and non-classic paradigms in the contemporary sociological theory.

В современной социологии происходит такое же преобразование, какое в начале XX века переживало естествознание в связи с открытием теории относительности и явлений квантовой физики. Так же, как и там, сегодня в социальных науках наблюдается отказ от субстанционализма как образа мышления и переход к “сетевому мышлению”. Мы, социологи, находимся в самом начале этого пути как в теоретических разработках, так и в создании новых методов исследования. Во многом методологический поиск новых оснований для социологии тормозится специфичностью ситуации внутри научного сообщества.

Современная социология представляет собой своеобразное поле столкновения интересов разных групп, каждая из которых претендует на научное представление сути социальной реальности. Кризис классической науки, о котором еще в 1960-е годы писал А.Гоулднер, по сей день не разрешен, скорее он стал частью социологической традиции. Стоит немного глубже подойти к

работам классиков, как сразу же выясняется, что вопросов в них было поставлено гораздо больше, чем найдено ответов. Ключевая проблема науки — определение границ предмета исследования, что позволило бы социологии не только формально, но и логико-методологически отделиться от философии и других наук об обществе, — каждый раз решается заново.

Можно сказать, что эпистемология в социологии — это не только способ прояснения методологических основ науки, но и политика научного поля. Переопределяя критерии научного знания, каждый ученый вольно или невольно исходит при этом из своих интересов. Спор между теоретиками и практиками, структуралистами и феноменологами, позитивистами и постмодернистами — это не только научный, но и политический спор за то, какой образ науки будет считаться легитимным в будущем.

Исходя из этого, наиболее актуальными для современной социологической теории представляются следующие вопросы: чем является реальность, называемая социальной, каковы методы познания этой реальности и каково место субъекта в пространстве социальных взаимодействий. Кроме этого, существует проблема понимания того, кто есть мы, изучающие эту реальность, с какой целью мы ее исследуем, что можем получить в результате, иначе говоря, каковы возможности и ограничения научного социологического познания.

Все это — эпистемологические вопросы, и для ответа на них необходимо по-новому взглянуть на теорию познания, в контексте применения ее для решения проблем современных социальных наук. Существует по меньшей мере две трактовки эпистемологии социальных наук. Первая трактовка — классическая, когда эпистемология понимается как часть общей теории познания. В этом случае эпистемология — это наука о возможностях получения истинного знания в науке. Сторонники такого подхода С. Фуллер [Fuller, 2002] и Ю. Резник [Резник, 1999] сравнивают разные методологические подходы к анализу социальной реальности. Этот сравнительный анализ позволяет выяснить возможности и ограничения получения научного знания в классических и неклассических парадигмах.

Вторая трактовка эпистемологии как анализа рамок научного исследования, влияющих на политику научного поля, принадлежит М. Фуко [Фуко, 2004], П. Бурдьё [Бурдьё, 2005] и Ю. Качанову [Качанов, 2007]. С точки зрения М. Фуко, “эпистема — это не форма познания или тип рациональности, который, пронизывая самые разные науки, выявил бы суверенное единство субъекта, духа или эпохи” [Фуко, 2004: с. 351]. Эпистема — это то, что выходит за пределы отдельных научных дискурсов, это междисциплинарная рамка, которая задает тематику в исследованиях наук определенного исторического периода. Фактически, именно эпистема определяет спектр возможных вопросов, которые ставит исследователь реальности, но более важно то, что эпистема — это фильтр для ответов на поставленные вопросы. Благодаря этому в науке говорят об ограниченности возможностей познания. В определенной мере эпистему в трактовке М. Фуко можно считать частью третьего мира К. Поппера — мира идей и абстрактных моделей реальности [Поппер, 2000].

По мнению П. Бурдьё и Ю. Качанова, научное поле, будучи местом борьбы за научное доминирование, предписывает каждому исследователю выбор — в зависимости от занимаемой им позиции — определенной научной стратегии, которая одновременно является и политической. Термин “поли-

тика” здесь не следует понимать буквально. Так как для каждого поля характерен свой особый вид символического капитала, политика в рамках поля — это борьба за монопольное им владение (в науке — это монопольное право на владение истиной). Наука не имеет иного основания, кроме коллективного верования в ее основы, которое производит и предполагает само функционирование научного поля. Это так называемая докса, которая предполагает отношение непосредственного согласия с миром, в данном случае с миром науки, а точнее — с ее ментальными структурами, применяя которые к анализу действительности, исследователи получают ее научную картину, которую в дальнейшем выдают за действительную. Докса в концепции школы П.Бурдьё выполняет ту же функцию, что и эпистема в концепции М.Фуко, — задает рамки научного исследования социальной реальности, называя основные объекты анализа и определяя метод познания.

Обе версии эпистемологии социальных наук имеют большое влияние на современную социологическую теорию, в которой происходит переход от классических методологических оснований к неклассическим и постнеклассическим. Обсуждение статуса теоретической социологии как науки о современном мире имеет место как в работах западных теоретиков [Валлерстайн, 2004; Коллинз, 1999; Штомпка, 2005], так и в работах украинских [Бурлачук, 2006; Костенко, Макеев, 2008; Кутуев, 2009; Попова, 2002; Танчер, 2000; Тарасенко, 2008] и российских социологов [Гофман, 2005; Филиппов, 2008]. Практически во всех вышеуказанных работах речь идет о необходимости перехода от анализа классических концепций социологической теории к формированию новых методологических оснований социологии как науки, изучающей не состояния, а процессы, не столько социальную статику, сколько социальную динамику.

На мой взгляд, для уточнения логики перехода от субстанциональной эпистемы, доминирующей в социологии в период классики, к современной эпистеме “сетового мышления” при анализе социологических теорий целесообразно использование типологии научной рациональности В.Степина [Степин, 2003]. В три этапа развития (классика/неклассика/постнеклассика) можно как в наиболее общую рамку вписать и современную концепцию неоклассики Дж.Александера [Alexander, 1988; Kurasawa, 2004], и методологию неореализма [Аутвейт, 1991; Арчер, 1998]. Неоклассика Дж.Александера, по существу, является попыткой сохранения классических методологических принципов в неклассическом подходе. Такую попытку, как и другие варианты макро-микросинтезов, критикуют представители неореализма в социологии. Их метод познания, с моей точки зрения, является наиболее удачным вариантом постнеклассического метода, поскольку возвращает возможность научного анализа тенденций, заложенных в реальности, и снимает противоречия неклассического метода постмодернистов.

Целью данной статьи является анализ специфики перехода от классики к неклассике и постнеклассике в социологической теории. Для реализации поставленной цели вначале в тезисном виде постулируются общие принципы классики, неклассики и постнеклассики с точки зрения философии науки, затем дается определение субъекта, метода познания, картины социального мира как методологических оснований эпистемы социологии. В заключение рассматриваются два способа анализа социальной реальности — трансцендентный и имманентный — как примеры классики и неклассики в современной социологии.

Общие методологические принципы классики, неклассики и постнеклассики

Для классической науки, сформировавшейся и заложившей фундамент классического позитивизма в социальных науках, в самом общем виде характерны следующие методологические принципы: трансцендентализм, самождественность объекта и субъекта познания, субстанционализм, предполагающий объективную реальность, находящуюся вне сознания субъекта познания, наивный реализм, поиск истины как знания о сущем, скрытого за частностями внешних явлений [Ильин, 1993].

В неклассической картине мира “понятие события обретает самостоятельный смысл и употребляется более широко, указывая на отдельное действие, явление, которое имеет смысл само по себе, а не только как проявление общего закона” [Мелков, 2004: с. 87]. Происходит постепенный отказ от анализа реальности как некой субстанционально выраженной сути явлений и переход к анализу процессов и событий как мельчайших единиц динамики реальности.

В целом для неклассического научного познания характерны следующие методологические принципы, отличающие его от классической методологии: в отношении образа реальности — полифундаментальность, релятивизм; в отношении к субъекту познания и способам его обращения с реальностью — персонализм, прагматизм как основание антисозерцательности и деятельностного подхода к работе с реальностью. Полифундаментальность неклассики предполагает нетрадиционное мировидение исследователя, основанное на идее сложной предметности, которая ни структурно, ни генетически не опосредуется какими-либо базовыми комплексами, трактуемыми как моноцентричный онтологический первофундамент. Релятивизм неклассики означает, что знание не безотносительно, оно интенционально, сцеплено с приемами мыслительной и экспериментальной обработки действительности, с процедурами идентификации объектов, правилами их интерпретации, систематизации и т. д. Таким образом, в неклассическом познании интенциональность сознания, его заинтересованная направленность на объект не может быть “снята” обычными рациональными процедурами сбора и анализа. Необходимо то, что у Э.Гуссерля называется процедурой феноменологической редукции, а в концепции П.Бурдьё — методом двойной объективации. Персонализм как неклассический принцип предполагает отрицание рациональной логики в качестве единственной формы познания. Идею о субъекте как активном деятеле, не только исследователе, но и преобразователе природы и общества также можно отнести к принципу персонализма.

Преодолевая не критические догмы классики, неклассика, тем не менее, не порывает с ней окончательно. Непосредственная, явная связь между ними просматривается в части толкования предназначения знания. И классика, и неклассика сходятся в одном: задача науки — раскрытие природы бытия, постижение истины. Обоснованием выделения и обособления постнеклассического этапа развития науки может быть фактор ценности научного знания, его согласование не с индивидуальными или групповыми картинами мира, а с глобальным проектом на уровне всего человечества. Такими проектами можно считать экологическую модель регуляции отноше-

ний человека и природы, проект глобализации международного пространства социальных и политических отношений.

В целом отмечу, что переход науки от классики к неклассике, различие базовых методологических принципов между этими подходами в научной и философской литературе описаны достаточно внятно и не вызывают сомнения. Больше вопросов вызывает переход от неклассики к постнеклассике, поскольку не совсем ясны различия в методологии. Скорее можно сказать, что постнеклассический тип рациональности — это своеобразный этап развития неклассического типа, в котором отдельные неклассические принципы доводятся до логического завершения. Как самостоятельный этап постнеклассику сложно классифицировать, поскольку этот тип научной рациональности еще формируется, причем происходит это на наших глазах.

К таким принципам можно отнести междисциплинарность, анализ контекстов событий, объективность познания как интересубъективность, идею метанаблюдателя в качестве субъекта познания в постнеклассике.

Объектами в постнеклассическом познании являются уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Именно для их изучения оказалось необходимым привлечение к одному исследовательскому проекту представителей разных научных дисциплин. Отношение к изучению случайности и необходимости в рамках этих систем меняется от классического принципа их противопоставления к принципу взаимодополняемости.

Событие в постнеклассике — это выбор одного из путей эволюции системы, поэтому следует говорить о его значимости — оценке, смысле. Факт является событием, внесенным в определенный контекст. Смена контекстов — “переодевание событий в иные смыслы” [Мелков, 2004: с. 124]. Выбор возможных контекстов обусловлен метаконтекстом культуры уникальной и универсально-человеческой.

Объективность в качестве интересубъективности заменяет в постнеклассике отношение к объективности как отстраненности, невключенности субъекта в исследуемую реальность. Интересубъективность означает не только интенциональность сознания исследователя, принятую в неклассике, но и согласованность индивидуальных интенций с ценностями группы. Отсюда в качестве одного из критериев объективности полученных результатов исследования в постнеклассике предполагается, что “научное фактическое знание должно быть принято в качестве объективного определенным научным сообществом” [Мелков, 2004: с. 125]. Объективность истины как точная фотография реальности заменяется объективностью знания, которое на данном этапе развития науки принимается данной группой профессионалов.

В постнеклассике субъектом познания становится метанаблюдатель, находящийся одновременно внутри и вне системы наблюдения. Внутри системы наблюдатель остается ученым, работающим в определенной методологии и получающим результаты, обусловленные выбором метода и соответствующего понятийного аппарата анализа. Вне системы наблюдатель занят рефлексией над собственными основаниями мышления и определяет сам для себя иерархию ценностей, которые задают приоритеты в его научной деятельности. Таким образом, в постнеклассике наука, не переставая продуцировать новое знание на основании уже разработанных методов и подходов к анализу, производит рефлексию по поводу собственных оснований и корректи-

рует полученное знание. Исследователь в идеале постнеклассики должен уметь совмещать в себе черты ученого, историка и философа науки, а также критика собственных результатов с позиции метанаблюдателя.

В социологии социальность, сформированная в Новое время, становится предметом анализа для классического периода, а также сферой, где развивается реализация проектов Просвещения. Идеалы разумной организации общества достаточно тесно переплетаются с идеалами утилитарной культуры среднего класса, что позволяет развиваться идеям позитивизма в классике социологии. Неклассический период связан с разрушением образа общества как единого целого во второй половине XX века. Предметом неклассической социологии становится повседневность и стили жизни, субкультурные проявления, отличающие одну социальную группу от другой. Одновременно с этим возрастает интерес к индивидуальным субъектам действия, связи их биографии с глобальными историческими процессами.

Постнеклассический этап развития социологической теории начался сравнительно недавно и связан прежде всего с идеями постмодернизма и постструктурализма, а также неореализма. Предметом анализа постнеклассических теорий становятся не элементы социальных структур, а социальные процессы и отдельные события в социальной жизни. Одним из значимых для постнеклассики вопросом является то, каким образом в современном динамичном социальном мире происходит формирование и поддержание групповых и индивидуальных идентичностей, а также проблема формирования социального целого в условиях размывания границ прежних общностей и смешения культур.

Классической методологии было свойственно стремление к предельной строгости и однозначности понятий. Авторы неклассической и постнеклассической социальной методологии исходят из того, что научное понятие обладает открытым горизонтом значения. В связи с формированием новых принципов социогуманитарного знания возникает необходимость переосмысления теоретических оснований с тем, чтобы сформировать целостное видение современной социальной реальности, что предполагает прежде всего смену основных теоретических метафор [Микешина, 2002]. Представление о социальной реальности как о реальности, состоящей из отдельных объектов — субстанциональных элементов единого целого, сменяется представлением о сети двусторонних взаимосвязей, динамичном социальном поле, где субстанциональные элементы отсутствуют, их место занимают социальные процессы, как правило, наделенные обратной связью. По аналогии с такой динамичной моделью социальной реальности строится ее теоретическое видение — взаимосвязанная сеть понятий и моделей, в которой отсутствует раз и навсегда заданное онтологическое основание.

Объект исследования в этом случае всякий раз создается заново, в зависимости от поставленных в исследовании задач. Создание такой исследовательской модели предполагает учет социокультурного контекста, фона, во многом определяющего специфику взаимосвязей внутри заданного объекта. Исходя из этого, речь идет не о создании универсальной модели социальных процессов, пригодной для любых сегментов социальной реальности. Данный исследовательский подход скорее предполагает комплексный анализ локальных процессов с последующей попыткой описания как можно

более широкого спектра их взаимосвязей с другими, столь же специфично заданными процессами.

При анализе трансформации эпистемы социальных наук можно выделить три основных элемента, или методологических основания: субъект, метод познания, картину социального мира. Попытаюсь дать определение этим трем элементам.

Основополагающей характеристикой субъекта считается то, что он вынужден постоянно взаимодействовать с окружающей средой в целях выживания. Действие и познание определяются как два взаимосвязанных процесса такого взаимодействия.

В процессе познания субъект стремится создать образ упорядоченного пространства окружающего мира, где ему будет обеспечена хотя бы временная безопасность. Для этого создается представление о стабильности основополагающих причинно-следственных связей, что приводит субъекта познания к продуцированию такой картины мира, где основополагающим характеристикам присуща статичность, то есть субстанциональность. Субстанционализм как основополагающая характеристика картин мира был необходим до тех пор, пока субъект познания ощущал себя зависимым от жизненной среды. В субстанционалистских картинах мира субъект неотделим от объекта, они составляют единое пространство бытия, подчиненного целесообразности миропорядка высшего уровня. Следование законам, установленным трансцендентной силой, служило гарантом безопасности жизни субъекта и эффективности его действий в субстанционалистских картинах мира.

В процессе изменения жизненных условий и повышения автономности субъекта от окружающего пространства он выделяет себя из природного и социального мира, обозначает себя как индивида. Образ разделенности субъекта и объекта формируется в картине мира эпохи Возрождения, где человек провозглашается творцом самого себя, наделенным свободной волей. Постепенно индивидуализм становится доминантной чертой в западной картине мира. Отсюда возрастает интерес к внутреннему пространству субъекта, которое отделяется от окружающего мира невидимой границей и противопоставляется ему. Окончательное формирование субъект-объектной диады происходит в научной картине мира, где субъект познания выступает в роли наблюдателя за процессами, происходящими в природном и социальном пространстве. Субстанциональность, то есть изначальная стабильность мира позволяет выявлять его закономерности в процессе познания и использовать знание о них для повышения эффективности действий. В философии познания, принадлежащей к научной картине мира, складывается образ о двух субстанциях: физической и мыслительной, субстанции природы и субстанции сознания, которые принципиально несводимы друг к другу. По мере развития научного знания образ о целостности этих субстанций, их внутренней непротиворечивости сменяется образом динамичной реальности, находящейся в процессе постоянного становления.

Метод познания — это способ восприятия мира, это способ выделения основных черт и отличие их от второстепенных. Для каждой культуры, для каждого исторического периода основное и второстепенное отличаются друг от друга и, по ходу изменений, меняются местами.

Метод познания неизбежно задает некие общие принципы организации мира, которые представляют законы реальности. В научном познании ныне

существуют разные точки зрения на то, что может быть описано в виде закономерностей. В позитивизме законами выступали устойчивые причинно-следственные связи, которые можно было зафиксировать с помощью научных процедур. В неклассике и постнеклассике отношение к изучению и выявлению законов меняется — законы либо считаются ситуационными, временными связями и тенденциями, либо вообще речь идет о принципиальной хаотичности и неупорядоченности изучаемой реальности.

Картины мира — системы представлений о реальности, принятые в культуре определенного социально-исторического пространства. Картины мира формируются посредством как обыденного, так и научного языка и создают основу для восприятия мира человеком как субъектом познания. Мировоззрение субъекта в социоисторическом пространстве конституируется заданным способом интерпретации реальности, которая представляется ему самоочевидной. Данный способ можно назвать картиной мира, доминирующей в групповом и массовом сознании в конкретном социокультурном пространстве.

Базовые онтологические понятия — это своего рода табу по отношению к остальным источникам смысловых значений. С помощью таких понятий, как “человек”, “Бог”, “природа”, “общество”, в различных картинах мира, начиная с религиозных, упрощается и унифицируется реальность, ее многообразие форм жизни и бытия. Это упрощает возможность ориентации в мире и в социокультурном пространстве субъектам действия различных социальных групп, создает универсальный образ бытия для всего общества.

В картинах социального мира можно выделить два базовых концепта: социальная реальность и субъект действия/познания/власти. В классике социальная реальность — это объективно существующая, независимая от сознания субъекта целостность фактов и явлений. В классике реальность одна, ее сущность трансцендентна и скрыта за миром вещей и явлений. В неклассике реальностей множество, они зависят от интенциональных проектов и замыкаются в отдельные области как миры различных культурно-социальных значений. Социальная реальность в неклассике — это абстрактная модель, отражающая отдельные элементы интерсубъективного жизненного мира и основанная на научной интерпретации типологизаций обыденного сознания.

В постнеклассике реальность как онтологическая субстанциональная устойчивость отсутствует, есть реальность сетей отношений между вещами и явлениями, которые фиксируются субъектом с помощью рамок понятий и теоретических конструктов. Социальная реальность в постнеклассике — одна из общих рамок значений, набрасываемых на социальную действительность, отличающаяся как от доклического предзнания, так и от типологизаций жизненного мира. Можно сказать, что в концепциях постнеклассики социального познания происходит дальнейшее развитие идей неклассики в сторону более детального уточнения оснований социальной науки, описание и классификация различных форм знания о социальной реальности.

Когда концепция классического образа общества терпит крах, изменяется и описание основных характеристик субъекта действия. Критическая социология обнаружила по ту сторону порядка силу, по ту сторону консенсуса — репрессии, открыла в модернизации иррациональность, в общих принципах — частный интерес власть имущих классов. Государственная

власть и преобладающая в обществе идеология противопоставляются субъекту действия. Результатом успешной социализации становится не искреннее следование установленным образцам, а умение использовать их в своих интересах и скорее обходить, чем уважать. Таким образом, субъект действия и общество не соответствуют друг другу, а скорее противостоят как скрытые противники. В социологии постмодерна утрачивается доверие к фигуре актора в качестве исторического персонажа.

Субъектом действия становится в одном случае социально пассивное лицо, которое все больше замыкается в поиске своей идентичности то ли посредством своей изоляции от общества, то ли путем создания малых групп, обладающих собственным сознанием и способами его выражения. В другом случае субъект действия — это успешный игрок, использующий знание правил игры в социальных полях для получения максимальной прибыли, но в целом мало заинтересованный в каких-либо абстрактных, трансцендентных социальных ценностях. И в том, и в другом случае субъект действия остается отчужденным от социального мира, поскольку не воспринимает его как значимое для него пространство. Он не пытается влиять на ход событий, а выбирает в зависимости от своих личностных амбиций либо стратегию уклонения от борьбы, либо стратегию получения максимальной прибыли в уже существующих социальных полях. Предполагается, что возможность его влияния на социальную действительность сведена до минимума в силу тотального характера современной власти, пронизывающей почти все сферы частной и общественной жизни.

Как в классической социологии, так и в современных социологических концепциях субъект действия является заложником — в первом случае исторических тенденций, во втором — правил игры мозаичного социального мира. Поскольку в современном мире, с одной стороны, возрастает возможность общества влиять на ход своего развития, а с другой — возникают новые социальные проблемы, связанные с глобализацией, неизбежен вопрос, насколько эти проблемы могут решиться сами собой, без активного участия массового субъекта действия. Для участия в современных процессах от субъекта действия требуются новые качества, в частности четкое осознание границ возможностей его влияния на ход событий, рациональное философское видение себя и своего места в данных процессах. Но главной чертой такого субъекта действия является его желание лично проживать историчность, творить новые социальные образцы поведения, а не являться их пассивным зрителем.

Трансцендентный и имманентный способы анализа социальной реальности

Чтобы описать связь между определенной позицией субъекта познания по отношению к социальной реальности, используемый им метод познания и получающуюся в результате картину социального мира, следует описать общие черты двух способов теоретического видения в социологии: трансцендентного и имманентного. Первый способ, который можно определить как классический для социологии, до сих пор наиболее распространен в социологическом дискурсе постсоветского пространства. Особенность его современного применения в исследованиях — то, что методологическое осно-

вание берется из классики социологии, но вывод часто делается в духе неклассических концепций, особенно когда речь идет об анализе индивидуальных практик в рамках малых и средних социальных групп. Имманентное видение использует в качестве методологического основания неклассические принципы, но требует дополнения постнеклассическими концепциями.

Когда социолог использует трансцендентальное видение изучаемых объектов, в этом случае научное объяснение общества возможно постольку, поскольку “под именем социального понимается совокупность объективных фактов, не зависящих или, по крайней мере, не сводимых к какой-то частной интерпретации. Возможность универсального опыта социального познания гарантирует нам объективность социальных фактов” [Бикбов, с.а.]. В данной теоретической позиции исходным первоэлементом общества является человек, которого социологическая теория понимает как субъект, но субъект не локальный, а универсальный. Это означает, что такому универсальному субъекту присущи следующие характеристики: разумность, воля, свобода выбора. В классической модели роли, нормы, рациональность поведения не охватывают вполне человеческое существо: остается всегда внутренне присущая субъекту исходная свобода, которая служит источником изменения, выбора, подчинения или протеста.

То есть можно говорить, что для социолога, работающего в поле трансцендентального теоретического видения, существуют два независимых вида универсальных явлений: универсальные свойства субъектов как свободных индивидуальных существ и социальные явления, детерминирующие поведение людей как социальных акторов. В такой социологии исследователи, с одной стороны, не изучают свойств субъективности, поскольку они неопричинены социальными связями и часто иррациональны. А с другой — пренебрегают явлениями, которые не существенны для объяснения тотальности общества — в фокус теории должно попадать не множество отклонений или отдельных фактов, а универсальная логика общества, его нормальная форма существования.

В противовес этому имманентная концепция социального опирается на локальные, специфические для каждой изучаемой области различия, которые собираются в объяснительные схемы на основании того общего, что эти области имеют между собой, а именно на основании особенностей поведения социального агента как разумно-телесного существа, чьи конкретные свойства обусловлены практикой, но не тождественны ей. Более показательным объяснением выступает в этой схеме концепция П.Бурдьё, устанавливающая соответствие между габитусом акторов как совокупностью практических схем и социально рационализированным телом как исходной точкой для традиционного анализа производства и потребления.

Классическая теория социологии выносит точку зрения социологической науки в некотором роде за скобки социальной действительности, слишком хаотичной, чтобы исследователи непосредственно могли в ней наблюдать устойчивые явления. Благодаря дистанции, образующейся в результате разграничения между реальностью общества и разумом теоретика, последнему открывается система объективных связей, обуславливающая действия людей. Теоретик, дистанцированный и словно очищенный от всякого рода частной вовлеченности в общество (будь то политическая ангажированность, эстетические пристрастия или обыденный опыт), наблюдает кау-

зальные связи, оказываясь вне их действия. Такой социологический взгляд описывает общество не как доступное ему в меру подобия (например, социальные практики как действия себе подобных индивидов), но как подобную физическому миру совокупность объектов, изначально лишенных собственной рефлексивности.

В этом плане существует своеобразная связь между помещением социолога в позицию стороннего наблюдателя-фиксатора трансцендентных законов и тем, как этот социолог анализирует субъекты действия. В этом случае они представляются либо почти полностью зависимыми от структур общества, либо обреченными на рациональное поведение из-за общей склонности к порядку и поиска безопасной ниши для собственного социального существования. Иначе говоря, именно трансцендентные законы или ценности определяют в таком подходе поведение людей. Таким образом, из анализа автоматически исключаются опыт социальной жизни субъектов действия, их телесные практики, сформированные на стыке множества часто противоречивых факторов личной биографии, которая, по существу, является частным случаем социального в рамках глобального исторического пространства-времени.

В зависимости от идеологических взглядов исследователя, работающего в традиции трансцендентных теорий, можно выделить два основных направления: объективизм и субъективизм. В первом случае в методологии общее доминирует над частным, общество — над индивидом. Социальная реальность изображается как реальность объективная, не зависящая от сознания субъекта, законы которой человек так же не может отменить, как законы физического мира. Кроме этого считается, что общество как упорядоченная система взаимоотношений в своей относительной стабильности более значима, нежели хаотичное проявление частных интересов субъектов, поэтому ими в случае необходимости можно пренебречь. Субъект подчиняется установленному порядку, иначе его действия рассматриваются как девиантное поведение. Основным принципом управления в этом случае является принцип социального контроля, отслеживание отклонений и либо работа по их жесткому искоренению, либо более мягкий вариант манипуляции как исправления недостатков социализации субъектов. В любом случае скрытой целью является приведение социальной реальности к одному универсальному знаменателю, единой системе ценностей, установленной в обществе.

Во втором случае в концепциях субъективизма и индивидуализма авторы теорий исходят из противоположной позиции. С их точки зрения, социальная реальность не существует независимо от сознаний и действий индивидов. Напротив, ее структуры формируются и поддерживаются в результате повседневной практики субъектов действия. Порядок в обществе формируется из хаоса различных побудительных мотивов и представляет собой не строго упорядоченные структуры, а мобильные сети взаимодействий, в которых одновременно действует множество факторов. Доминирующим принципом влияния на существующую ситуацию является принцип наименьшего вмешательства, поскольку любое внедрение в социальные сети нарушает их самоорганизацию и может привести к непредвиденным последствиям. Такой принцип согласуется с философией либерализма, возникающей под влиянием перехода западных обществ к динамичной рыночной экономике, а затем трансформирующейся в современную теорию неоллиберализма. Авторы обоих подходов — и объективизма, и субъективизма — при

всей разнице выводов касательно сути социальной реальности и места в ней субъектов действия исходят из некоей отстраненной позиции, которую занимает социолог как наблюдатель и эксперт исследований социальности.

С точки зрения имманентной неклассической теории, «позиция социолога не находится над социальным пространством, а является одним из мест социальных практик, конструирующих социальное пространство как пространство различий и конкурирующих за способ его определения» [Бикбов, s.a.]. Социальные различия в этом случае поддерживаются различными видами власти в обществе и, что особенно существенно для развития социологической теории, власть и знание рассматриваются в этом случае как взаимозависимые факторы, по-разному соотносящиеся в конкретных социальных практиках. Помещая социолога внутрь существующих в обществе социальных практик, имманентная теория несколько меняет традиционное видение субъект-объектных отношений в рамках социального познания. Но следует признать, что по отношению к субъекту действия точка зрения остается той же, что и в трансцендентальной теории. Авторы имманентных неклассических теорий ставят под сомнение идею о внутренней свободе индивида, поскольку представители данного подхода, связывая факторы власти и знания, находят множество скрытых форм манипуляции сознанием акторов в рамках современного общества.

В постнеклассических концепциях, которые только начинают разрабатываться в современной социологической теории, вероятно, получают новую трактовку и понятия субъекта и метода познания, что приведет к формированию новой картины социального мира с концептуальным описанием динамичной и стохастичной социальной реальности.

Литература

Арчер М. Реализм и морфогенез. Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф.Филиппова. — М., 1999. — С. 63–78.

Аутвейт У. Реализм и социальная наука // СОЦИО-ЛОГОС. — М., 1991. — С.141–158.

Бикбов А. Т. Имманентная и трансцендентная позиции социологического теоретизирования. — <http://publications.isras.ru/Yr2001/StartRus/Researches/SRC/cerfsophi/PUBL/TXT/iman_trans.html>.

Бурдые П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики. — М., 2005. — С.473–517.

Бурлачук В. Еще раз к вопросу: «Что такое общество?» // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — №1. — С.5–36.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. — М., 2004.

Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. — 2005. — № 1. — С.18–25.

Ильин В.В. Классика-неклассика-постнеклассика: три эпохи в развитии науки // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. — 1993. — № 2. — С. 16–34. — <http://www.philos.msu.ru/vestnik/philos/nums.12_1993.html>.

Качанов Ю.Л. Эпистемология социальной науки. — СПб., 2007.

Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // Теория общества: фундаментальные проблемы. — М., 1999. — С. 37–72.

- Костенко Н., Макеев С.* Место и время социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 1. — С.11–32.
- Кутуев П.* Проблематика современного социологического теоретизирования // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009. — № 2. — С.144–165.
- Мелков Ю.* Факт в постнеклассической науке. — К., 2004.
- Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. — М., 2002. — <http://www.deashistory.org.ru/lam_philcogn.html>.
- Попова И.М.* “Социальность” как основание социологической интерпретации // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 4. — С.98–121.
- Поппер К.* Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. — М., 2000. — С.57–74.
- Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология. — М., 1999.
- Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. — М., 2003.
- Танчер В.* Социология и идеология в ракурсе постмодерного мышления // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — №4. — С.125–132.
- Тарасенко В.* Научный интеллект социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 1. — С.33–49.
- Филиппов А.Ф.* О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. — 2008. — Т.7. — № 3. — С.75–114.
- Фуко М.* Археология знания. — СПб., 2004.
- Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // Социологические исследования. — 2005. — № 10. — С. 64–72.
- Alexander J.* Durkheim’s Problem and Differentiation Theory Today // J.Alexander Action and Its Environments: Towards New Synthesis. — New York, 1988. — P.49–77.
- Fuller S.* Social Epistemology. — Bloomington, Indianapolis, 2002.
- Kurasawa F.* Alexander and the Cultural Refounding of American Sociology // Thesis Eleven. — 2004. — Vol.79. — № 1. — P.53–64.